

УДК 39:613 (571.1)

doi 10.17072/2219-3111-2022-1-86-95

Ссылка для цитирования: Степанова О. Б. Гигиенические традиции селькупов // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 1(56). С. 86–95.

ГИГИЕНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ СЕЛЬКУПОВ

О. Б. Степанова

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) Российской академии наук, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

stepanova67@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2130-2695

ResearcherID: AAD-3394-2019

Scopus Author: 36641992800

Исследование посвящено традиционной гигиене селькупов – одного из малочисленных народов Севера. Селькупские гигиенические традиции рассматриваются с двух позиций: через призму мифологических представлений и в свете их обусловленности природной средой и историческим моментом. В результате исследования было установлено, что все выделения и «вырастания» из человеческого организма (кал, пот, моча, слюна, ногти, волосы и т.д.), формирующие вместе с отношением к ним человека сферу бытовой гигиены, в традиционном мировоззрении селькупов трактуются душой/жизненным началом, посредством которого реализуется идея круговорота жизни во Вселенной. Мифологическое осмысление выделений и «вырастаний» как элементов, отвечающих за жизненность человека, нашло непосредственное отражение в селькупских гигиенических традициях. К калу и моче на полу жилища, поту, который никогда не смывался с тела и не стирывался с одежды, к слюне на вытертых ею тарелках, к нестриженым, нечесаным и завшивевшим волосам селькупы не испытывали неприязни, но относились со страхом к нарушению даже одного из правил подстригания ногтей. Формирование гигиенических навыков, как и их мифологического толкования происходило под воздействием природной среды, в которой жили предки селькупов. Селькупская приспособленность к суровым природным условиям Севера была максимально возможной и долгие века не подводила этот народ. Ее внешняя оценка упала с «актуальной» до «антисанитарной», когда к селькупам вместе с русской колонизацией пришли эпидемические заболевания и традиционная гигиена не смогла им противостоять.

Ключевые слова: селькупы, традиционное мировоззрение, традиционная гигиена, природные условия Севера, антисанитария, эпидемии.

Введение

Если проблема традиционной и современной гигиены селькупов до сих пор не становилась темой этнографического исследования, по-видимому, оттого, что просто не подошел ее черед, то мифологический ракурс этой темы, с которого автор планирует начать ее изучение, скорее всего, не рассматривался по другой причине. Возможно, этнографы оказались в плену всеобщего современного немедицинского, но народного отношения к физиологическим выделениям человеческого организма как к чему-то постыдному, некультурному и грязному. Однако этот «постыдный» вопрос в качестве исследовательской темы по этнографии селькупов не менее важен: в условиях формирования у современных селькупов новой этничности и сохранения традиционной культуры ценность приобретают любые разработки по селькупской этнографии.

В основную задачу исследования входит рассмотрение традиционных селькупских представлений о выделениях (кале, слюне, гное, поте, моче и т.д.) и «вырастаниях» из человеческого организма (волосах и ногтях), а также описание традиционной (досоветской) гигиенической ситуации у селькупов в свете отражения в ней этих мифологических представлений. Вторая задача исследования оценочная: будет рассмотрен взгляд, признающий традиционную селькупскую гигиену антисанитарной, и будут высказаны соображения по поводу его объективности.

Материалы и методы исследования

Исследование опиралось на материалы по мифологическим представлениям селькупов, содержащиеся в трудах Е. Д. Прокофьевой (1961), Г. И. Пелих (1972, 1998), А. В. Головнева (1995) и энциклопедии «Мифология селькупов» (2004). Исконные гигиенические привычки селькупов освещались по материалам, опубликованным К. Доннером (2008) и В. Н. Скалоном (1929). Также автор использовала собственные разработки по традиционному селькупскому мировоззрению [Степанова, 2005, 2007, 2010, 2017 и др.], базирующиеся на полевых материалах нескольких экспедиций к данному народу.

Изучение селькупской традиционной гигиены проводилось с применением метода описания, сравнительно-исторического, типологического и семантического методов. Исследование учитывало, что мифологические представления селькупов основываются на принципе тождественности, эквивалентности; как писал Ю. М. Лотман, «мифологический текст, в силу своей исключительной способности подвергаться топологическим трансформациям, с поразительной смелостью объявляет одним и тем же сущности, сближение которых представило бы для нас значительные трудности» [Лотман, 1999, с. 208].

Обсуждение результатов

Основой традиционного мировоззрения селькупов служат представления о круговороте жизни во Вселенной. Элементом, который осуществляет этот круговорот и циркулирует по трем мирам Вселенной, является душа – жизненное начало; ею обладают люди, животные. За пределами земного мира она выступает как инобытийная форма жизни. Душа представляется материальной: она ест и пьет. Ее образов в верованиях селькупов много, мифологическое мышление видело подобие души человека во множестве материальных объектов. Душой человека могли считаться камень, железо, дерево, огонь, вода, некоторые предметы быта, такие как одежда или игольник, изображения духов и т.д., а также животное и сам человек как физическое тело в целостном и разделенном на элементы виде. Жизненным началом человека выступало физическое тело как полость и вместе с тем набор полостей, и вдобавок все, что из этих полостей выростало и выделялось [Степанова, 2010]. Для данного исследования интерес представляют элементы жизненности человека, соотносящиеся с современным понятием «гигиена», а именно: менструальная кровь, слюна, кишечник, кал, моча, пот, волосы, ногти и т.д.

Самая «неприличная» из всех выделений человека субстанция – кал – выступает в представлениях селькупов образом человеческой души. Доказать это наиболее коротким путем можно, выявив мифологическую связь кала со звездами. Звезда, что многократно зафиксировано в селькупском фольклоре, в полевых материалах автора и в научной литературе, – один из наиболее распространенных образов жизненного начала человека, звезды же в созвездии Плеяды селькупы называют «заячьими кучками» [Мифология..., 2004, с. 212]. Заяц, вероятнее всего, в то время, когда у народа возникла эта аналогия, считался тотемным животным какого-то рода. Более понятным соотносением кала с образом тотемного животного делает короткий фольклорный текст, записанный у соседей селькупов – хантов. Согласно ему из помета птицы-предка рождается человеческий ребенок.

Осталась старуха одна. «Как бы сына сделать?» – думает. Всякое пробовала брать, букашек, чтобы сделать из них человека. Делала, как куклу, и качала. Ничего не выходило. Потом глухариное г... качала, чтобы человек стал. Ничего не вышло, бросила. Потом вокруг озера пошла и нашла гусиное г... Взяла, опять качает. Из него вышел человек – *Евток*. Давай растить сына [Пелих, 1972, с. 274].

Примером подобных селькупских представлений может служить зооморфный образ матери-земли-прародительницы селькупов, в котором особо выделена его внутренняя анатомия. Мать-земля – «это огромное живое существо (зверь, птица), на спине которого живут селькупы. Лес – это шерсть (или перья) данного животного. Река, протекающая по данной земле, – это кишка, проходящая сквозь тело мифического зверя. Устье реки – это “ак” – рот данного животного. Ручей истока – это “тальдже” – хвост. Притоки левого берега – это “тыбыл” – ноги данного животного. Противоположный берег – “мокал” – его спина. Опытный шаман, камлая, проникает через устье реки внутрь тела матери-земли и бродит там между внутренностями животного» [Пелих, 1998, с. 9]. Если рот тотемного животного-предка – это устье реки-кишки, проходящей сквозь все его тело, и «вход», то нетрудно догадаться, что будет у этого животного исто-

ком и «выходом», а также легко представить, какая основная субстанция из него выходит. Поскольку это священное животное-предок, выходить из него может только что-то чудесное, а именно (см. хантыйский фольклорный сюжет) жизнь нового человека. Следовательно, этот священный образ у селькупов является тождеством тотемной гусыни из хантыйского мифа и будет уже вторым подтверждением существования у селькупов представления о душе-кале.

Для понимания следующих селькупских материалов о кале нужно знать, что в мировоззрении селькупов смерть означает переход границы земного и потустороннего миров, который сопровождается трансформацией и нарушением или просто изменением, намекающим на нарушение и порчу жизненного начала человека, коим в первую очередь представляется его тело. Переходящие границу миров умершие трансформируются в новые формы потусторонней жизни. Герои фольклора, переходя границу миров, приобретают волшебные способности [Степанова, 2007, 2010].

В селькупском тексте о *Пучике-Чурыке* мальчик, проглоченный чертом, разрезает изнутри его брюхо ножом и выходит наружу весь перемазанный чертовым калом, но «целым и невредимым» [Мифология..., 2004, с. 245]. В сказке о трех братьях рассказывается, как каждую ночь к костру приходил дед, у которого «кожа с головой вместе – сплошной лед и кал, кал и лед»; тому из братьев, кто отмывал его от грязи, старик дарил волшебные камушки, сделавшие его богатым [Там же, с. 292]. То есть в обоих сюжетах кал помогает героям и выступает живой субстанцией.

В силу дуалистичности мифологического мышления селькупов у каждого подобного калу мифологического элемента было, как у медали, две стороны – «хорошая» и «плохая», жизнедающая и несущая смерть. Смертоносная функция кала в селькупском фольклоре более выражена, кал чаще выступает как убивающее начало. В одной из сказок люди никак не могли убить старуху-ворожейку, забравшую рыбу из их реки. «Потом посмотрят – она опять живая. Так семь раз рубили ее и ничего сделать не могли. А те люди, что рубили ее, потом с ума сошли. Тогда взяли, когда старуха спала, ее собачьим пометом помазали, и она сама кончилась» [Пелих, 1972, с. 336]. Неоднократно встречающиеся в селькупском фольклоре чертовы навозные кучи-ловушки, заглатывающие/умерщвляющие героев, – один из образов смертоносного кала [Мифология..., 2004, с. 188–189, 282]. Автору представляется, что из смертоносной функции кала впоследствии выросло отношение к нему как к нечистой и постыдной субстанции.

Богатой жизнедающей и жизнеотнимающей символикой обладает в традиционном мировоззрении селькупов кровь. Но к гигиенической теме большее отношение имеет женская менструальная кровь. Ее селькупы обозначали термином *пылы*, считая, что она опасна для человека; для женщины с менструацией существовало множество запретов.

Эквивалентом души и жизненности служит в представлениях селькупов слюна. «Раньше люди были сильные богатыри... Они спать ложились, потом плевали в чашку, и там заводился ребенок» [Пелих, 1972, с. 342]. Сказочный герой *Пыка* оживлял своего старика-отца, облизывая его тело [Мифология..., 2004, с. 254].

Плевков по-селькупски – *сосы*, *шошы*. В сакральном шаманском языке *шошы* означает «человек», точнее «тень человека» – ее шаман видит в подземном мире, отправившись туда за душой умершего [Там же, с. 267]. То есть слюна в мифологическом сознании селькупов связывается не только с новой земной человеческой жизнью, но и со смертью, служит образом посмертного существования человека.

Для более подробного рассмотрения селькупских представлений о поте и моче автору не хватает материалов, однако можно уверенно считать, что народный взгляд на пот и мочу был такой же, как на кал, кровь и слюну. Это подтверждается также аналогиями из культур других сибирских народов. Манси, например, уходя с кладбища, «закрывают дорогу» – мочатся в определенном месте, а у якутских фольклорных батыров главный признак жизненной и физической силы – потные подмышки.

Отсутствие материала о поте и моче с лихвой компенсируется материалом по селькупским представлениям о волосах и ногтях. Волосы и ногти селькупы трактуют жизненным началом и душой человека. Главными характеристиками образа души, воплощенного в ногтях и волосах, являются сила и связь.

В волосах, как считали селькупы, содержится сила, источаемая утробой матери-предка, по ним же она приходит к человеку. Ярким примером такой силы-связи служит образ великой матери-паучихи, которая соединена невидимыми нитями *бангос* со всеми земными людьми; когда эти нити обрываются, люди умирают [Пелих, 1998, с. 18]. Волосами матери-земли-болотной кочки представлялась трава, растущая на ней; «из этой травы вышли первые люди» [Мифология..., 2004, с. 70, 72]. Корни и волосы акцентируются в образе «семикорневого», «с семью ветвями» священного дерева – ипостаси матери-предка [Прокофьева, 1961, с. 61]. «При изготовлении люльки *ниты* сучки и ветви (волосы дерева) обрубают и закапывают в землю (хоронят). Если этого не сделать, ребенка будет ветром качать... Сжигают или зарывают в землю сучки, щепки и опилки, оставшиеся после изготовления гроба» [Головнев, 1995, с. 245]. Условием сохранения силы человека, равно связи со своей мифической матерью, считалось правильное обращение с частицами этой связи.

Силу многих селькупских мифических персонажей определяют их волосы. «Невероятно мощной жизненной силой обладала семикосая подземная старуха *Има-ылынты-кота*» [Пелих, 1998, с. 74]. «Плодородная» сила хозяйки леса исходит из ее волос: «Лесная хозяйка (лешачка) *Мачын нейд* сидит, волосы распустила до пят и чешет; как одну сторону чесанет – белки как вши бегут, другую чесанет – соболи валяются» [Мифология..., 2004, с. 201].

Та же жизненная сила по представлениям селькупов содержится в ногтях/когтях фольклорных персонажей. Ногти на руках и ногах современных людей, как полагают селькупы, остались им в наследство от древних богатырей *мадет-куп* и *тюнолов*, у которых тело было покрыто роговым непробиваемым панцирем, а на ногах были копыта [Пелих, 1998, с. 36]. Сила огромной чудовищной птицы *Пуне* – в ее железных когтях [Мифология..., 2004, с. 251].

Отсутствие или потеря волос/когтей у фольклорного героя являются признаком его бессилia и смерти: Старик с длинной бородой, приходящий из подземной ямы, лишившись своей бороды, совсем обессилел [Головнев, 1995, с. 495–498]; у сына шамана, вырванного из плена *патьянга* – духа-похитителя детей, волосы на голове «выпали до последней волосинки» [Там же, 1995, с. 505]; слабой и беспомощной стала гигантская птица *Пуне*, потеряв свои железные когти [Мифология..., 2004, с. 251]; чтобы окончательно обезвредить побежденных врагов, мифические богатыри *мадет-куп* снимали с них скальпы [Пелих, 1972, с. 139].

Названные представления о волосах порождали соответствующие культовые процедуры – жертвоприношения волос при испрашивании селькупам у духов здоровья и жизненных сил. Так, человеческие волосы, зашитые в мешочек из ткани, подвешивались в жертву змеиным духам на священную сосну в Змеином лесу на Турухане. Прясть своих волос должна была бросить в воду любая женщина, которая первый раз оказалась на озере Польшо Третье [Пелих, 1972, с. 333–334].

По волосу селькуп мог передать свою просьбу божественной матери в образе большой реки: «Мы с Евгенией Ивановной Иженбиной за Обью были. Обь захмелела (разбушевалась). Сидели под облаком. Солнце уже закатывается. Она волосок выдернула и вшу вытащила, и перевязала петелькой. На два раза. На талину вшу на волосинке подвесила. Обь тише-тише и успокоилась» [Тучкова, 2002, с. 202]. Представления о вшах неразрывно связаны с селькупским взглядом на волосы и имеют самое прямое отношение к гигиенической теме: у селькупов имеется фольклорный текст о том, что люди-вши вышли из головы матери-земли [Мифология..., 2004, с. 70, 72], следовательно, вши тоже были в мировоззрении селькупов образом человеческой души и жизненного начала.

Проведенный анализ селькупских мифологических представлений показал, что ко всем физиологическим выделениям и «вырастаниям» из организма селькупы относились как к элементам жизненности и жизненному началу человека. Селькупское мировоззрение не трактует эти элементы постыдными в силу их значимости.

Следующая часть первой задачи исследования – рассмотреть традиционные гигиенические привычки селькупов в свете вышеназванных мифологических представлений и определить, какой отпечаток мифологическое видение мира наложило на селькупскую бытовую гигиену.

Анализ логично будет начать с продолжения рассуждений о волосах. Мифологическое осмысление волос у селькупов в досоветские времена находило отражение в повседневном от-

ношении к ним. Н. А. Костров писал: «Остяки волос на голове никогда не стригут и не чешут. А носят их вклокоченными беспорядочными прядями» [Костров, 1857, с. 118]. По данным Г. И. Пелих, селькупы считают, что в волосах сосредоточена вся жизненная сила, поэтому человек, став шаманом, уже больше никогда не стриг свои волосы [Пелих, 1998, с. 74].

Аналогичные представления существовали и о ногтях. В одной из селькупских сказок жена изводила своего мужа, регулярно подбрасывая ему в суп свои остриженные ногти, и муж постепенно лишался сил.

Под влиянием советского реформирования гигиенических привычек северных народов селькупы стали стричь, мыть и расчесывать свои волосы [Степанова, 2005]. Но выработанное веками отношение к волосам и ногтям как кместилищу жизненной силы у них сохранилось и сегодня проявляется еще сильнее, чем раньше. В наши дни оно имеет вид длинного перечня не всегда понятных предписаний и запретов, которые неукоснительно соблюдаются, о чем говорят материалы, собранные автором во время полевой работы. Вот несколько характерных фраз из них для примера: «выбрасывание остриженных ногтей и волос укорачивает жизнь, их нужно сжигать, так как хозяйка огня их забирает и дает взамен здоровье»; «нельзя бросать волосы и ногти в воду, считается, что это приведет к потере сил, здоровья, охотничьей удачи»; «ногти когда стрижешь – чтобы на печке вода не стояла – тогда мужчинам плохо»; «женщинам нельзя стричь ногти при дедушках, в чужом доме и ночью»; «ночью, вечером нельзя ногти стричь, волосы чесать: состригаешь и счесываешь своих младших братьев и сестер»; «нельзя расчесывать волосы и стричь ногти, когда ночь, когда кто-то кушает в доме, волосы сжигают; если птичка их возьмет, голова болеть будет» [Степанова, 2010, с. 180] и т.д. Иными словами, существовавшие в досоветский период правила обращения селькупов с волосами и ногтями были обусловлены мифологическими представлениями. Традиция эта оказалась сильной и живучей и в значительной мере дожила до наших дней.

Анализ отношения дореволюционных селькупов к калу, слюне, моче, вшам, болезням и т.д. будет опираться на материалы книги «У самоедов Сибири» финского лингвиста и этнографа К. Доннера [Доннер, 2008], в 1911–1914 гг. совершившего ряд поездок к южным и северным селькупам. Зимой 1913 г. ученый проехал в аргише с двумя семьями тазовских селькупов от Тазовской церкви через верховья Таза в село Ларьяк на Вахе. Во время двухмесячного путешествия он изучал быт и поведение тазовских селькупов методом включенного наблюдения.

При самой большой симпатии к селькупскому народу К. Доннер оставил о его гигиенических привычках ряд нелюбимых записей.

Согласно К. Доннеру, в приготовлении пищи и обращении с детскими испражнениями у селькупов царил полная антисанитария. «Я сидел и наблюдал за происходящим. Женщины готовили ужин. Несмотря на голод, у меня напрочь пропал аппетит, и я решил, что впредь никогда больше не буду смотреть, как это делается. Из семерых детей кто-нибудь обязательно справляет нужду прямо на земле. Мать, занимающаяся приготовлением пищи, хватается «преступника», вытирает его, затем пол и, не моя рук, продолжает готовить. Между тем она то и дело почесывает голову или живот, поправляет свою обувь. Когда еда готова, женщина достает стол и чашки, которые она моет своей слюной, размазывая ее пальцами по посуде» [Доннер, 2008, с. 103]. «Дети до 12 лет справляли нужду прямо на пол, от этого в чуме невыносимо воняло» [Там же, с. 98].

Селькупы массово пренебрегали гигиеной (в нашем понимании этого слова) даже там, где можно было этого избежать. В селькупскую землянку – «дворец» местного князьца на р. Поккелки, «столице Таза», где Доннер останавливался на неделю, посмотреть на него с окрестных тундр съехалось множество людей, что позволило ему наблюдать следующую картину: «Помещение целиком заполнилось людьми, между которых околачивались стаи злых собак, рычавших по привычке, как только кто-нибудь приближался к их хозяину, что в такой тесноте было просто неизбежно. Многие семьи расположились прямо в помещении. <...> Каждую ночь, в тесноте как сельди в бочке, здесь спали тридцать человек. Все вместе они источали зловоние, которое с трудом улетучивалось через дымоходную трубу. Вредные насекомые переползали с одного на другого, размножаясь, день ото дня. Воздух сгущался от запаха еды и табачного дыма» [Там же, с. 99].

Селькупы никогда не мыли свое тело полностью, а лишь умывали лицо. Вот как К. Доннер описывает эту процедуру: «Ввиду высокой ценности воды это своеобразный процесс. Сначала набирают воду в рот, полощут горло, затем эту же воду выплевывают на руки и умывают лицо. Таким образом, одного глотка воды аборигенам достаточно для мытья рук и лица. Забавно наблюдать, как женщины, держа под мышкой своих малышей, ловко выбрызгивают в их мордашки струю воды. Вообще-то умываться в самоедском жилище бесполезно, все равно через пять минут снова покроешься сажей и станешь таким же черным, как был» [Там же, с. 101].

Селькупы не мылись не только зимой, но и летом. Мыться в реке им мешало представление о подводном мире как потустороннем, а потустороннего мира они боялись. Кроме того, летом на Севере очень много комаров, оводов и гнуса, поэтому даже раздеться на воздухе часто не представлялось возможным. Специальных сооружений для купания селькупы не делали. Первые бани строились для селькупов русскими на факториях.

Когда у народа нет традиции мыть свое тело, вполне логично выглядит отсутствие у него и привычки стирать одежду. Подтверждения отсутствию у селькупов такой формы ухода за одеждой автор нашла у В. Н. Скалона, опубликовавшего свои наблюдения за хантами и селькупам, приезжавшими на фактории: «Вот идет по улице какой-нибудь щеголь, счастливец последнего промысла. На нем нет засаленной малицы. Он надел ватный пиджак и сапоги на высоких каблуках. Из-за расстегнутой одежды видны остальные обновы: красный поясик и пять, а то и более, новых рубах. Да, он надел их одну на другую и ворота отстегнул. Вот синяя, красная, черная, лиловая. <...> А на следующий год он придет в той же рваной малице. Нет сапог, нет пиджака, вместо рубах – какие-то неопределенного цвета лохмотья. Во всем своем наряде он пойдет на промысел и рыбную ловлю. Развалится сапоги. Не долго потерпят черную, болотную воду Ваха. А рубахи он будет весь год снимать из-под низа» [Скалон, 1929, с. 57].

По материалам К. Доннера, главными испытаниями для него во время поездки были вши и холод, между собой тесно связанные. В своих записях исследователь часто сетует, что из-за постоянного холода он не мог полностью раздеться, чтобы поменять нижнее белье, ему оставалось лишь расчесывать себя до крови, пока не устанет. При этом он отмечает, что селькупы к холоду и вшам полностью приспособлены, не страдают от них и относятся к ним как к должному порядку вещей: «Перед сном мы гасим огонь и закутываемся на ночь. Каждая семья собирается в своем углу, между мужем и женой укладывают маленьких детей, старшие дети ложатся рядом. Вот так лежащие все скопом, накрытые шкурами, они больше похожи на диких животных, чем на людей. Я думаю, что звери, защищаясь от холода, укладываются в том же порядке. Я же вынужден спать один, и от этого мне значительно холоднее. После того, как гаснет костер, холод пронизывает тело, к тому же меня сильно мучают паразиты, мешая спать. Сказывается отсутствие привычки, самоеды и тунгусы спокойно храпят всю ночь, не обращая на это внимание» [Доннер, 2008, с. 102].

Ученый свидетельствует, что селькупы относились к вшам как к любимому и полезному домашнему насекомому. Женщины, с которыми он путешествовал, за небольшие подарки вытаскивали у него из волос самых крупных и заметных вшей. «Обычно они делают это только для своих мужей. Вскоре несколько сотен вкусеньких зверьков оказываются пойманными, самых жирных из них аборигены с нескрываемым удовольствием отправляют в рот и лакомятся ими как мы конфетами. Но всех кровожадных извергов выловить невозможно» [Там же].

Приведенные материалы говорят о том, что селькупам в быту было неведомо брезгливое отношение к калу, поту, слюне, вшам и прочим вещам, которые мы считаем антисанитарией и грязью, в чем, по мнению автора, и находят выражение мифологические представления, в которых все эти вещи считаются элементами жизненности и жизненного начала человека. Может показаться непонятным, почему материалы не демонстрируют также опасливого отношения к ним селькупов, ведь в мифологии эти элементы имеют и отрицательные, «смертельные» характеристики. По всей вероятности, истина тут кроется в нюансах или обстоятельствах: к примеру, не всякий кал у селькупов считался смертельным (а только собачий), не всякая кровь виделась опасной (а только женская менструальная), для женщин существовало предписание мыть тарелки языком, а оленин язык селькупы никогда не употребляли в пищу, так как считали его «нечистым», поскольку олени лизали им мочу [Там же, с. 93]. Видимо, какие-то элементы, как представлялось – обычно, преимущественно, чаще всего – поддерживали жизненность челове-

ка, и лишь в редком случае играли против него. Во втором варианте эти элементы трактовались «смертельными» только в момент смерти человека, с их помощью объясняли смерть.

При всей нелицеприятности отзывов К. Доннера о некоторых моментах селькупского быта он признавал неизбежность для селькупов именно таких форм гигиены, какие они имеют, и понимал, что они обусловлены суровыми условиями природной среды (при этом очень чистой и экологичной). Некоторые образцы гигиенической приспособленности селькупов к среде проживания вызывали у него открытое восхищение. Например, он с гордостью писал, что селькупы повторяют церемонию омовения лица перед каждым приемом пищи, и что даже «в Европе не все могут похвастаться подобным усердием» [Там же, с. 101]. Высокую оценку он давал селькупским полотенцам «из свежей, мягкой и душистой березовой стружки», которую женщины каждый вечер готовили из полена [Там же]. Ему нравились природные материалы, применяемые в уходе за детьми: «Самые маленькие дети ночью и в дороге спят в колыбелях из бересты на подстилке из гнилушек, впитывающих влагу. Их закутывают в одеяло из вываренной бересты и в мягкие заячьи шкурки» [Там же, с. 104]. Ученый хвалил селькупские травяные портянки: «После еды, наконец, снимают и просушивают обувь, садясь как можно ближе к огню, затем обворачивают ноги травяными портянками и обуваются. Аборигены не носят носок или чулок, так как они не впитывают влагу, а значит, можно в любой момент обморозить себе ноги» [Там же, с. 101] и т.д.

Действительно, селькупы обладали прекрасным знанием природной среды, и их приспособленность к суровым условиям Севера была прагматичной, рациональной и максимально возможной. Этот народ веками благополучно жил-выживал с такими гигиеническими навыками, и те их не подводили. Почему тогда гигиенические навыки селькупов принято считать антисанитарными? На чем основывается взгляд, давший это определение, – только ли на том, что в «цивилизованном» мире приняты иные гигиенические правила? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит рассмотреть селькупскую ситуацию с болезнями.

По К. Доннеру, самыми привычными и не особо мучительными селькупскими заболеваниями были болезни желудка, такие, например, как солитер. «В условиях, когда едят все вместе и из одной посуды, и посуда, по сути, не моется, обитатели чума заражаются друг от друга, если у кого-то сегодня болит желудок, на завтра он будет болеть у всех». От этих болезней селькупы излечивались довольно легко: «Старики предпочитали свой старый проверенный рецепт – они бросали порошок в воду и с удовольствием выпивали эту жижу» [Там же, с. 99]. Еще чаще в решении проблем со здоровьем селькупы «обходились» несколькими оленями, принесенными в жертву [Там же, с. 95–96, 99]; болезни объяснялись селькупами вредоносной деятельностью злых духов, проникших в организм больного.

К. Доннер давал неодинаковые оценки здоровью разных селькупских групп. «Тазовские селькупы здоровы физически, и число детей в каждом чуме говорит о надежном продолжении рода. Болезни здесь встречаются редко, я не знаю ни одного случая сифилиса или туберкулеза» [Там же, с. 95–96]. «Дети аборигенов вырастают крепкими и закаленными. Слабые не выдерживают условий жизни и рано погибают. Мои спутники кормили своих грудных детей сырой замороженной рыбой и всем тем, что ели сами. Однако при этом даже двенадцатилетним детям матери дают грудь. Старшие дети ходят в чуме полураздетыми, младших выносят на снег в одних рубашках, таким образом их закаляют» [Там же, с. 104].

Главной причиной физического здоровья тазовских селькупов К. Доннер считал изолированное положение и минимум контактов с русскими. Русские завезли к аборигенам Севера эпидемические болезни, такие как оспу, чуму, сифилис, тиф и туберкулез, которых у них до того не было. По данным К. Доннера, русские спаивали, обманывали и разоряли селькупов, доводили их до нищеты и голода, что, естественно, губило их здоровье и увеличивало смертность. Самое сильное пагубное воздействие русские оказали на тех селькупов, рядом с которыми они селились, – обских и чуть в меньшей степени на туруханских.

Исследователь оставил страшные описания эпидемии оспы, свирепствовавшей во время его путешествия среди обских селькупов [Там же, с. 34, 56]. К. Доннер пишет, что «самоеды не имели понятия о том, что болезнь заразна, больные и здоровые навещали друг друга» [Там же, с. 56]. То есть гигиенические традиции селькупов, не подводившие их многие века, оказались негодными для противостояния новым болезням – оспе, тифу, туберкулезу и т.д.

Традиционные селькупские гигиенические навыки, в которых не было мытья тела и волос, стирки одежды, стрижки волос, мытья посуды и мытья рук, а были вши, тесные контакты с больными, не убираемые с пола жилищ испражнения детей и т.д., были достаточно эффективны и актуальны, пока селькупы не знали эпидемических болезней и не общались с русскими. Эти навыки гармонировали с природной средой, не имеющей условий и возможностей, чтобы мыться, мыть, стирать, убирать и держать дистанцию. Они подходили, были идеальны для определенного места и определенного времени.

Слово «антисанитарные» стало применимо к ним, когда с приходом русских они потеряли свою актуальность и стали «пропускать» в селькупские группы эпидемические заболевания. Причем не сами селькупы разочаровались в своих гигиенических привычках: конец первобытным гигиеническим традициям положила советская власть, применив радикальные методы. Автор считает, что здесь советская власть была полностью права, и видит в том историческую необходимость.

Выводы

Итак, в результате исследования были сделаны следующие выводы. Гигиенические традиции селькупов основывались на приспособлении к окружающей среде и ее мифологическом осмыслении. Все выделения и «вырастания» из человеческого организма, а именно – кал, моча, слюна, ногти, волосы, а также вши как обитатели волосяного покрова головы – воспринимались селькупами образами души, жизненного начала и жизненности человека. С помощью этих образов селькупы описывали главную свою мировоззренческую идею – круговорот жизни во Вселенной. На земном участке круговорота названные элементы отвечали, условно говоря, за жизнь, на потустороннем участке и на границе миров – за смерть, которая представлялась тоже жизнью, но в ином качестве. Поэтому у образов жизненного начала фиксируются две противоположных функции – давать жизнь и отнимать ее.

Представления о жизненном начале тесно связаны с гигиеническими традициями селькупов. Согласно анализу материалов, описывающих гигиенические привычки этого народа, у селькупов не было неприязненного отношения к калу и моче на полу жилища, поту, который никогда не смывался с тела и не состирывался с одежды, слюне на вытертых ею тарелках, нестриженным, нечесаным и завшивевшим волосам и т.д., в чем автор видит влияние мифологических представлений. По-видимому, в данном случае эти частицы человеческого организма виделись селькупам благотворными и поддерживающими жизнь сущностями. Смертельные характеристики ярче всего проявлялись в таких жизненных началах, как менструальная кровь, ногти и волосы, к которым в быту селькупы относились с опаской, неукоснительно исполняя в обращении с ними длинный ряд предписаний и запретов.

В ракурсе мифологических представлений гигиенические традиции северных народов еще никто из исследователей не рассматривал. По крайней мере, автору неизвестны такие работы. Мифологические воззрения нашли свое отражение в селькупских гигиенических традициях, однако, по мнению автора, на формирование традиционного быта в первую очередь оказала воздействие природная среда. Селькупы или даже еще праселькупы приспособили свои бытовые навыки, включая гигиенические, под суровые условия Севера, параллельно или уже вслед за тем осмысляя их мифологически. Селькупская гигиеническая традиция отличается предопределенностью: народом были выработаны единственно возможные в этих условиях навыки, других навыков здесь возникнуть просто не могло.

В течение многих веков сложившаяся гигиеническая традиция, являясь частью исконной селькупской культуры, идеально подходила имеющимся природным условиям и верно служила селькупам. Брешь в ней пробрили эпидемические заболевания, пришедшие к ним вместе с русской колонизацией. После чего традиционная гигиена селькупов была названа антисанитарной, что на тот момент и в тех условиях соответствовало действительности. Селькупская гигиеническая традиция была радикально изменена советскими реформами.

Библиографический список

- Головнев А.В.* Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 605 с.
- Доннер К.* У самоедов в Сибири. Томск: Ветер, 2008. 176 с.

- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 444 с.
- Костров Н.А. Очерки Туруханского края // ЗС Отдела ИРГО. Кн. 4. СПб.: Тип. Мор. М-ва, 1857. С. 61–177.
- Мифология селькупов. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 380 с.
- Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. 421 с.
- Пелих Г.И. Селькупская мифология. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. 79 с.
- Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сб. Музея антропологии и этнографии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 20. С. 54–74.
- Скалон В.Н. Магнаты Севера // Охотник и рыбак Сибири. 1929. № 2. С. 56–62.
- Степанова О.Б. Особенности современного хозяйственно-культурного положения коренных народов Севера Красноселькупского района ЯНАО // Культурное наследие народов Сибири и Севера: материалы VI Сибирских чтений, Санкт-Петербург, 27–29 октября 2004 г. СПб., 2005. С. 167–173.
- Степанова О.Б. Мир мертвых и погребальный обряд селькупов // Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 182–198.
- Степанова О.Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе. СПб.; Абакан: Петербургское Востоковедение, Пантеон, 2010. 303 с.
- Степанова О.Б. Фольклор северных селькупов (полевые сборы 2004, 2005, 2008 гг.). Часть II // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2017. Вып. 17. С. 37–67.
- Тучкова Н.А. К вопросу о педагогических традициях селькупов // Образование в Сибири: актуальные проблемы истории и современность. Томск: Изд-во ТГПУ, 2002. Ч. 1. С. 195–204.

Дата поступления рукописи в редакцию 20.05.2020

HYGIENIC TRADITIONS OF THE SELKUPS

O. B. Stepanova

Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Universitetskaya emb., 3, 199034, St. Petersburg, Russia
stepanova67@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2130-2695
ResearcherID: AAD-3394-2019
Scopus Author: 36641992800

The study is devoted to the traditional hygiene of the Selkups, one of the small peoples of the North. Selkup hygiene traditions are viewed from two perspectives: through the prism of mythological representations and in the light of their conditioning by the natural environment and historical moment. As a result of the study, it was found that in the traditional worldview of the Selkups, all the excretions and “growths” from the human body, such as feces, sweat, urine, saliva, nails, hair, etc., which, together with the person’s attitude to them, form the sphere of household hygiene, were interpreted as the soul / the life principle through which the idea of the cycle of life in the Universe is realized. The mythological interpretation of excreta and “growths” as elements responsible for human vitality is directly reflected in Selkup hygiene traditions. Selkups did not demonstrate hostility to feces and urine on the floor of the dwelling, to sweat that never washed off the body and never washed off clothes, and to saliva on plates wiped by it, but they were afraid of breaking even one of the rules for cutting nails. The formation of hygiene skills, as well as their mythological interpretation, occurred under the influence of the natural environment in which the ancestors of the Selkups lived. The Selkup adaptation to the harsh natural conditions of the North was the maximum possible and did not let the Selkups down for many centuries. Its assessment fell from “relevant” to “unsanitary” when epidemic diseases came to the Selkups along with the Russian colonization, and traditional hygiene could not resist them.

Key words: Selkups, traditional worldview, traditional hygiene, natural conditions of the North, unsanitary conditions, epidemics.

References

- Donner, K. (2008), *U samoyedov v Sibiri* [At the Samoyeds in Siberia], Veter, Tomsk, Russia, 176 p.
- Golovnev, A.V. (1995), *Govoryashchiye kul'tury. Traditsii samodiytsev i ugrov* [Talking culture. Traditions of Samoyeds and Ugrians], UrO RAN, Yekaterinburg, Russia, 605 p.

- Lotman, Yu.M. (1999), *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera - istoriya* [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history], Yazyki russkoy kul'tury, Moscow, Russia, 444 p.
- Kostrov, N.A. (1857), “Essays on the Turukhansk Territory”, in *Zapiski sibirskogo otdela IRGO* [Notes of the Siberian branch of the IRGO], Tip. Mor. M-va, St. Petersburg, Russia, Vol. 4, pp. 61–177.
- Mifologiya sel'kupov* (2004) [Mythology of the Selkup], TGU, Tomsk, Russia, 380 p.
- Pelikh, G.I. (1972), *Proiskhozhdeniye sel'kupov* [The origin of the Selkups], TGU, Tomsk, Russia, 421p.
- Pelikh, G.I. (1998), *Sel'kupsкая mifologiya* [Selkup mythology], TGU, Tomsk, Russia, 79 p.
- Prokofieva, E.D. (1961), “Representations of the Selkup shamans about the world (based on the drawings and watercolors of the Selkup)”, in *Sbornik Muzeya antropologii i archeologii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography], Nauka, Moscow-Leningrad, Russia, Vol. 20, pp. 54–74.
- Skalon, V.N. (1929), “Tycoons of the North”, in *Okhotnik i rybak Sibiri*, № 2, pp. 56–62.
- Stepanova, O.B. (2005), “Features of the current economic and cultural situation of the indigenous peoples of the North of the Krasnoselkupsky District of the YaNAO”, in *Kul'turnoye naslediyе narodov Sibiri i Severa: Materialy 6-h Sibirskikh Chteniy, St. Petersburg, 27-29 okt. 2004* [Cultural Heritage of the Peoples of Siberia and the North: Materials of the 6th Siberian Readings, St. Petersburg, Oct. 27-29, 2004], MAE RAN, St. Petersburg, Russia, pp. 167–173.
- Stepanova O.B. (2007), “The world of the dead and the funeral rite of the Selkups”, in *Mifologiya smerti. Struktura, funktsiya i semantika pogrebal'nogo obryada narodov Sibiri* [Mythology of death. The structure, function and semantics of the funeral rite of the peoples of Siberia], MAE RAN, St. Petersburg, Russia, pp. 182–198.
- Stepanova, O.B. (2010), *Traditsionnoye mirovozzreniye sel'kupov: predstavleniya o krugovorote zhizni i dushe* [The traditional worldview of the Selkups: ideas about the cycle of life and soul], Peterburgskoye Vostokovedeniye, Izdatel'skiy dom «Panteon», St. Petersburg, Abakan, Russia, 2010, 303 p.
- Stepanova, O. B. (2017), “Folklore of the Northern Selkup: field gatherings 2004, 2005 and 2008. Part I”, in *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN* [Materials of field research of the MAE RAS], MAE RAN, Sankt-Petersburg, Russia, pp. 37–67.
- Tuchkova, N.A. (2002), “To the question of pedagogical traditions of the Selkups”, in *Obrazovaniye v Sibiri: aktual'nyye problemy istorii i sovremennost'* [Education in Siberia: actual problems of history and modernity], TGPU, Tomsk, Russia, Part 1, pp. 195–204.